

УДК 651

Преферансов С.А.

Волгоградский государственный университет

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕРУССКИХ НОРМ И МЕСТНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ СОСТАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНОГО ФОНДА ЦАРИЦЫНСКОГО
ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА)**

S. Preferansov

Volgograd State University

**THE REFLECTION OF COMMON RUSSIAN NORMS AND LOCAL FEATURES
OF DOCUMENTS PREPARATION IN REGIONAL WRITING OF THE END
OF 19TH CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE ARCHIVAL
FUND OF TSARITSYN CITY COUNCIL)**

Аннотация. Статья посвящена анализу общерусских норм и местных особенностей, которые находят отражение в региональной деловой письменности конца XVIII в. при составлении документов. Основное внимание уделяется рассмотрению реквизитов в формуляре различных групп текстов, представленных в делопроизводстве Царицынского городского магистрата. Выявляются отступления от принятых образцов и языковых формул, используемых в канцелярском делопроизводстве, с учетом соответствия функции документа его форме и содержанию.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, архивный фонд, документ, формуляр, норма, функция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the common Russian norms and local features which reflect in regional business writing of the end of 18th century. The basic attention is paid to the requisites in the form of various text groups presented in the documents of Tsaritsyn city council. The work shows the deviations from the accepted standards and language formulas used in the clerical work with documents due to its function, form and content.

Key words: regional business writing, archival fund, document, form, norm, function.

Изучение памятников письменности, отложившихся в различных архивных фондах, предполагает обращение к источникам и корпусам текстов, не исследуемым ранее, что способствует уточнению процессов, отражавших использование русского литературного языка в его региональном варианте [23]. Особая роль в решении данных вопросов отводится источникам делового содержания, имеющим местный колорит [18, с. 80]. Традиции составления документов, приуроченных к определенной территории, складывались под влиянием общерусских тенденций и особенностей официального общения в данном регионе [22, с. 168; 23, с. 186–187; 24, с. 6]. Анализ подобного рода архивных материалов позволяет выявить локальные черты деловой речи [9, с. 114; 13, с. 60; 11, с. 448] в соотнесении с образцовыми нормами.

Исследуемый архивный фонд Царицынского городского магистрата (далее – ЦГМ) включает тексты, среди которых наиболее ранними являются датированные 1784–1799 гг. Городовые магистраты в конце XVIII века являлись низшей судебной инстанцией местного управления, в их ведении находилось население округа или уезда [16, с. 107, 109]. В составе рассматриваемого архива отложились различные по своему целевому назначению документы, создаваемые в самом магистрате, представляющие входящую и исходящую корреспонденцию (далее

– ДЦГМ^{*}). По своей функции это распорядительные документы (указы, приказы, наставления, предложения, решения, определения, приговоры); информационно-справочные (протоколы, выписки из протоколов и журналов, сообщения, доношения, объявления); отчетные (рапорты); регистрационные материалы (реестры входящих указов и предложений, книги исходящих документов, книги записи); просительные бумаги (челобитные, прошения, жалобы); договорная документация (верющие письма, контракты, купчие); тексты учетного характера (книги прихода денежных сборов с купцов г. Царицына); записи показаний судебного и несудебного характера (сказки, объяснения, допросы, допросы при очной ставке); удостоверительные бумаги (квитанции, расписки, паспорта); акты принятия на себя каких-либо обязательств (подписки, клятвенные обещания) [24].

Общерусские нормы делопроизводства закреплялись, прежде всего, на уровне структуры документа, или его формуляра [8, с. 154]. Ориентация составителей на образцы способствовала выработке стандартных способов языкового выражения реквизитов и шаблонных устойчивых формул [12, с. 244; 21, с. 274]. Под формулой принято понимать словосочетания или синтаксические конструкции с более или менее постоянным лексическим составом [12, с. 243].

Состав используемых элементов характеризуется в данном исследовании с учетом основополагающего принципа описания деловых текстов – обусловленности формуляра и содержания документа канцелярской традицией, определяющей своеобразие его оформления [6, с. 208]. Так, для казусной части распорядительных и отчетных текстов характерным является ссылка на иницирующий документ, в роли которого выступает нормативный акт верховной власти, распоряжение или решение вышестоящего органа местного правления, прошения частных лиц. Менее обязательным, как показывает характеристика рассматриваемого фонда,

это являлось для сообщений и доношений, представляющих собой информационно-справочные материалы. Указание на причину составления бумаги могло осуществляться различными способами, в частности, посредством использования деепричастия, образованного от глагола восприятия *слушали*. Например, в Указе Царицынского городского магистрата: *царицынской городовоу магистрату слушавъ полученноу из Саратовскаго наместническаго правления<...>указъ...^{**}*. Введение казусной части документов могло реализовываться также предложениями и предложно-падежными конструкциями; среди них выделяются элементы *всходственность* или *всходствию* в функции предлогов, что характерно для XVIII столетия и зафиксировано нами в информационно-справочных и распорядительных текстах. Частотными в этом ряду являются также *во исполнение* (в рапортах), *в силу* или *по силе* (в распорядительных актах) и др.

Целевое назначение документа получает отражение в единицах с соответствующей семантикой, имеющих устойчивое употребление. Казусная часть, например, прошений и допросов, содержит формулы представления автора с глаголами и причастиями, которые используются в значении «речевое воздействие»: *просит* (в прошениях и др.), *допрашиванъ* (в допросах, очных ставках и др.); например, в Допросе крестьянина Ивана Сорокина 1793 года: *1793 года октября 28го дня Царицынскаго округа верхняго ахтубенскаго городка экономическою крестьянинъ Иванъ Петровъсынъ Сорокинъ<...>допрашиванъ...^{***}*. В распорядительных актах, решениях и определениях используются лексемы, обозначающие факт принятия решения: *указом определено*, *резолюциею заключено (велено)* и др., вводящие основное содержание документа. В заключительной части подписок, посвященных подтверждению каких-либо обязательств автора, зафиксирована формула с глаголом графической передачи информации: *в чемъ и подписуюсь* и т. д.

^{*} ДЦГМ – документы Царицынского городского магистрата (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2).

^{**} ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 3.

^{***} ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 133, л. 15.

Строгие правила официального общения обуславливали регламентацию речевого поведения участников коммуникативного процесса – различных по рангу органов власти или должностных лиц – в формулах речевого этикета [20, с. 40]; это выражалось в употреблении формул со значением волеизъявления: *тебе повелевается* и др., доклада или сообщения: *в покорности извещаю* и др., отчета: *покорнейше рапортую* и др., уничижительной просьбы: *всеподданнейше прошу, прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, прошу решение учинить милостивою резолюциею* и др.

Ряд выражений в ДЦГМ свидетельствует о сложившихся традициях оформления устойчивых реквизитов формуляра, одинаково важных для всех групп документов. Это относится к наименованиям видов документа, датам, подписям и т. д. В частности, процедура придания бумаге юридической силы осуществлялась посредством подписания авторов и доверенных лиц после основного текста. В рассматриваемых источниках наблюдаются синонимически тождественные варианты удостоверения: *руку приложилъ* (если текст писался со слов автора или под диктовку), *подписано тако* (имярек); *подписался* (имярек) и др. (если текст писался самими авторами), *своеручно подписался* (при подтверждении лицом своей грамотности).

В научной литературе подчеркивается, что язык деловой письменности XVIII века отличается высокой степенью вариативности языковых единиц, проявляющейся на разных уровнях, в том числе лексическом [10, с. 43; 24, с. 11], что чаще всего обуславливается языковой компетентностью писца, его профессиональными навыками [14, с. 14–15]. Так, Л.М. Городилова, говоря о текстах Приенисейской Сибири XVIII века, утверждает, что бумаги, составленные непрофессионалами, изобилуют отклонениями от общерусских образцов [10, с. 43]. В документах ЦГМ, обслуживавшего потребности жителей Царицынского округа, также отмечена большая часть составителей, которые не обладали необходимыми навыками письменного делового общения:

это выходцы из купеческой, мещанской, посадской и крестьянской среды.

Рассматривая влияние локального фактора на лингвистическую содержательность деловых текстов, ученые уделяют особое внимание лексике. Ценность памятников письменности в изучении территориально ограниченных языковых употреблений утверждается в работах как старших языковедов, так и современных исследователей [9, с. 114; 19, с. 149]. Региональный аспект анализа материала не ограничивается выявлением диалектных проявлений в текстах, он связан в целом особенностями функционирования делопроизводства на определенной территории. А.П. Майоров отмечает «региональный узус» деловой письменности, подвергавшийся варьированию на всем огромном пространстве России; ученый трактует данное понятие как конкретную реализацию сложившихся норм с учетом местных особенностей письменного общения [15, с. 8–9].

Исследователи указывают на относительный характер регламентированности лексического наполнения речевых формул [7, с. 102], что создает возможность для сосуществования функциональных вариантов. Вариативность языковых средств, по словам М.Л. Ремневой, была стандартно ограничена действующими правилами делопроизводства, необходимостью следовать и не противоречить им [21, с. 273].

Как показывает анализ, ДЦГМ, с одной стороны, характеризуются следованием единым моделям, т. е. общерусским нормам оформления бумаг, с другой – включением индивидуальных и местных черт, некоторым отклонением от принятых образцов. Подобные случаи возникают, во-первых, при отсутствии обязательных реквизитов, прописанных в законодательных актах. В частности, в Доношении о состоящих в 1785 год наличного числа душ города Царицына, адресованном департаменту Саратовского наместнического правления, в конце текста вместо обозначения даты зафиксировано употребление книжной конструкции с глаголом *имеет*, что не соответствует Указу 1738

года «О формах рапортам и доношениям»*: *от Царицынского городового магистрата почту во оныи депортаментъ доставить имеетъ без замедления...*** Данная замена могла быть обусловлена срочностью бумаги. Во-вторых, переписывание текста с оригинала могло приводить к употреблению вариантных форм, отличающихся от прописанных в генеральных формулярах. Так, в Клятвенном обещании приказчика лавки по продаже казенной соли 1790 года, копированном с текста генеральной присяги на чины 1762 года [17, с. 350], которая изобилует книжными вариантами, некоторые архаичные элементы заменены новыми: я вм. *азъ*; стяжение формы инфинитива *стараться*, *касаться* вм. инфинитивов с напряженным «и» и др. В-третьих, может подвергаться замене клишированная формула, что, по-видимому, можно объяснить индивидуальными навыками писца, коммуникативной ситуацией. В частности, в Подписке вдовы посадской жены Авдотьи Беловой 1788 года вместо устойчивого сочетания со значением принятия на себя обязательства *в чем и подписуюсь* употребляется выражение *в чемъ во уверение сего сию подпискою и обязуюсь****; существительное со значением убеждения (*уверение*) и глагол принуждения (*обязуюсь*) подчеркивают степень личной ответственности адресанта.

Проявление локальных черт наблюдается при изменении содержания документа и его функции. Например, бумага, имеющая название «одобрение», в Словаре Академии Российской определяется как «письменное свидетельство о поведении, значении, достоинстве кого-либо» [САР II, с. 702]. Однако текст Одобрения жителей селения Приозерье Царицынского округа 1795 года, посвященный подтверждению согласия отпустить поляка Филата Морозова и его семью в разряд посадских людей, написан в форме другого документа – приговора: *По согласию мирскаго*

общества дали сие одобрение маго жъ селения поляку филату андрееву сыну Морозову и з женою Марьей ивановою дочерью в томъ что куды онъ не пожелаетъ по нынешней ревизии приписатца то мы в семь нашимъ обществомъ дозволяемъ<...> в чемъ сие одобрение ему Морозовуидано...**** Содержание приводимого здесь Одобрения обуславливает изменение его назначения: документ выполняет распорядительную функцию, свойственную приговорам.

Следует отметить, что в анализируемом фонде нами зафиксировано частое отождествление функций деловых бумаг. Например, один и тот же документ может иметь два наименования. Так, письмо царицынского купца Степана Софонова в Царицынский городской магистрат 1787 года названо *объяснением*, о чем свидетельствует его начальный протокол – реквизит «наименование документа»: *Царицынскаго третей гилдии мещанина Стефана Софонова объяснение*****. Данное существительное имеет в Словаре русского языка XI–XVII вв. значение «разъяснение» [СлРЯ XI–XVII 12, с. 208] без каких-либо помет или комментариев, позволяющих говорить о специальном (терминологическом) значении этого слова в официально-деловой речи; в Словаре Академии Российской *объяснение* определяется как «оправдание» в составе выражения «подать объяснение по делу» [САР VI, с. 1058]; что предполагает закрепление данного существительного за официальной сферой общения в XVIII веке. В заключительной части рассматриваемого письма купца Софонова в реквизите «подпись» автор называет свой документ *объявлением*: *на подлинном подписано к сему объявлению гилдеиской мещанинъ стефанъ софоновъ руку приложилъ******. Слово *объявление* в СлРЯ XI–XVII имеет несколько значений, в том числе по глаголу *объявити* – «раскрытие, доказательство вины» и «сообщение, заявление, извещение в устной или письменной форме» [СлРЯ XI–XVII 12, с. 205]. Дефиниция сущес-

* ПСЗ. – Т. X, № 7713. – СПб.: Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830. – С. 679.

** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 22, л. 18 об.

*** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 68, л. 32.

**** ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 2.

***** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 59, л. 6.

***** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 59, л. 6

твительного *объявление* в САР свидетельствует о том, что второе из приведенных выше значений близко к сложившемуся в языке XVIII века терминологическому обозначению письменного извещения «о чем-либо в каком-либо судебное место» [САР VI, с. 1029]. Варианты словоупотребления *объяснение-объявление* в одном и том же тексте позволяют говорить о функционально-семантическом сближении названных языковых единиц, их синонимическом использовании в контексте, что способствует появлению у существительного *объяснение* значения, свойственного канцелярскому слогу, и закреплению за ним функции реквизита – «наименование документа» по аналогии с функцией существительного *объявление*.

Расхождения фиксируются нами также в подписках. Например, документ от царицынских посадских и цеховых людей 1788 года в реквизите «наименование документа» указан как *подписка*, т. е. «обязательство, утвержденное своеручным подписанием» [СЦРЯ III, с. 270], а в заключительной части текста именуется как *приговор* – «определение, постановление, присуждение» [СЦРЯ III, с. 460]. Эти случаи отражают неустоявшийся характер терминосистем в рамках развивающегося официально-делового стиля, нерегулярность реализации в канцелярском слоге таких признаков специальных слов, как однозначность и закреплённость за определенной функцией.

Проведенный анализ архивного фонда Царицынского городского магистрата свидетельствует о том, что этот памятник письменности конца XVIII в. содержит ценные сведения о процессах, происходивших в официальном делопроизводстве России. Исследуемые тексты отражают утверждение общерусских образцов оформления бумаг на региональном уровне, выработку устойчивых приемов языкового выражения содержания, формирование канцелярских оборотов и формул, этикетных фраз, уточнение состава и последовательности реквизитов документа. С другой стороны, в местном делопроизводстве наблюдаются случаи отклонения от пра-

вил составления бумаг, когда обязательность элементов формуляра нечетко прописана в российских регламентах и инструкциях, что приводило к заменам формальных и содержательных компонентов текста, канцелярских формул, отдельных элементов реквизитов.

Процессы, происходившие в литературном языке XVIII столетия, эволюция документной системы обуславливают неустойчивый характер употребления единиц, называющих официальные бумаги, наличие вариантов словоупотребления, расширение или изменение функций ряда исходящих и входящих документов и их реквизитов, что нашло отражение в делопроизводстве Царицынского городского магистрата.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ:

1. ГАВО – Государственный архив Волгоградской области. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 3; Ед. хр. 133, л. 15–15 об.; Ед. хр. 22, л. 18–18 об.; Ед. хр. 68, л. 32; Ед. хр. 156, л. 2; Ед. хр. 59, л. 6 (при цитировании текстов используется упрощенная графика и орфография; указывается номер единицы хранения и листа).
2. ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи. 1-е собр. – Т. X, № 7713. – СПб.: Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830.
3. САР – Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006 (в скобках указывается номер тома и страницы).
4. СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 12. – М.: Наука, 1987 (в скобках указывается номер выпуска и страницы).
5. СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. Т. III. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. (в скобках указывается номер тома и страницы).

ЛИТЕРАТУРА:

6. Алексеев А.А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 188–209.
7. Багрянцева Г.И. Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопро-

- изводства): дис...канд. филол. наук (10.02.01) / Багрянцева Галина Ивановна; [МГУ им. М.В. Ломоносова]. – М., 1986. – 305 с.
8. Баракова О.В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства): дисс. ...докт. филол. наук (10.02.01) / Баракова Ольга Витальевна; [Санкт-Петербургский гос. ун-т]. – СПб., 2004. – 548 с.
  9. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
  10. Городилова Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVIII в. как источник региональной исторической лексикографии. – Хабаровск: ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 262 с.
  11. Дерягин В.Я. О местных вариантах русской деловой речи XV–XVII вв. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 5. – С. 448–455.
  12. Дерягин В.Я. Варьирование в формулах русской деловой речи XV–XVII вв. // Восточные славяне: Языки. История. Культура / Редкол. В.П. Вомперский [и др.]. – М.: Наука, 1985. – С. 243–251.
  13. Котков С.И. Источниковедческие вопросы истории русского языка // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 60–69.
  14. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук (10.02.01) / Копосов Лев Феодосьевич; [Московский педагогический университет]. – М., 2000. – 42 с.
  15. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. – М.: Азбуковник, 2006. – 264 с.
  16. Манько А.В. Блюстители верховной власти. Институт губернаторства в России. Исторический очерк. – М.: Аграф, 2004. – 240 с.
  17. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): дис...докт. филол. наук (10.02.01); в 2 т. Т. II / Никитин Олег Викторович; [Московский гос. обл. ун-т]. – М., 2004. – 651 с.
  18. Никитин О.В. «Урядник сокольничьего пути» – памятник деловой письменности XVII в. // Русская речь. – 2007. – № 1. – С. 80–86.
  19. Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь: Перм. ун-т, 2006. – 255 с. // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 6, Языкознание. – 2007. – № 4. – С. 149–158.
  20. Преферансов С.А. Формулы речевого этикета в деловой письменности XVIII века // Русский язык в современном мире: динамика и константы: материалы Международной научной конференции. Волгоград, 7–9 декабря 2009 г. – Волгоград: Перемена, 2009. – С. 40–43.
  21. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 336 с.
  22. Тупикова Н.А. Выражение субъекта действия в деловой речи казаков (по скорописным материалам XVII века) // Вопросы краеведения. Вып. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1993. – С. 168–171.
  23. Тупикова Н.А. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков: сборник научных трудов / ред. совет: О.В. Иншаков (пред.) [и др.]; редкол.: Н.А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 185–197.
  24. Тупикова Н.А., Преферансов С.А. Документы Царицынского городского магистрата как памятник региональной письменности конца XVIII века / Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство / ред. совет: О.В. Иншаков (пред.) [и др.]; редкол.: Н.А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 5–19.